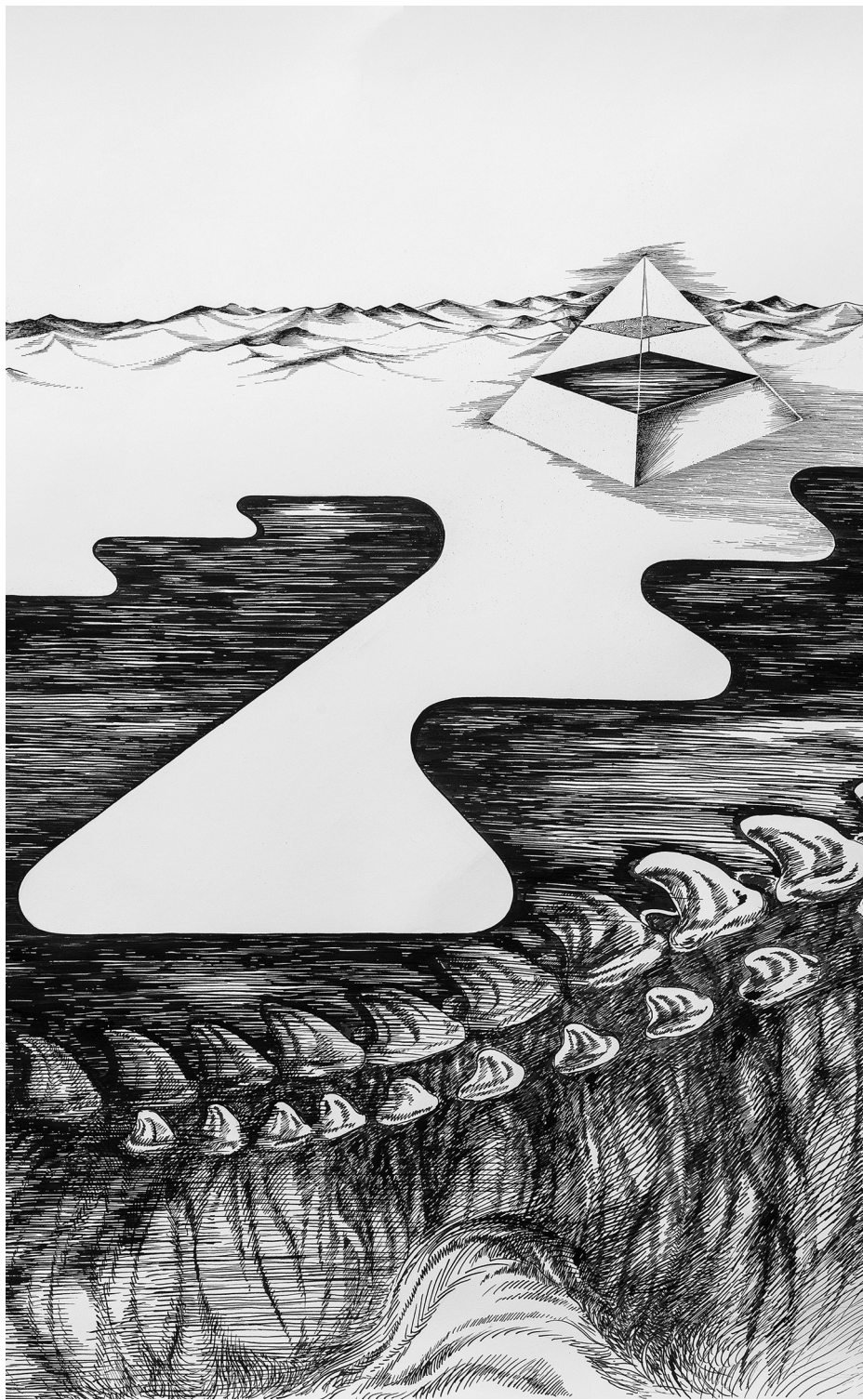

Фёдор Хиросигз. Пейзаж с Левиафаном
Бумага, чернила, перо. 120 x 252 см. Фрагмент. 2025

Новые горизонты будущего

Тимур Атнашев

Рефлексия поражения

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ
КАК ИНСТИТУТ ВОЗГОНКИ¹

Timur Atnashev

Reflecting on Defeat: Political Philosophy as a Social Institution of Sublimation

Тимур Атнашев

МВШСН; PhD

timur.atnashev@gmail.com.

Ключевые слова: политическая философия, возгонка, дизайн институтов, именование субъекта, рефлексия, кризис, Кембриджская школа, онтология политического

УДК: 1(091)+32.001+316.75

DOI: 10.53953/08696365_2026_200_4_191

Статья вводит понятие возгонки — механизма, которым политическая философия, функционируя как социальный институт рефлексивной адаптации к макроисторическим сдвигам, производит новые политические субъекты и порядки. Данная модель радикализирует историцист-

Timur Atnashev

MSEES; PhD

timur.atnashev@gmail.com.

Keywords: political philosophy, sublimation, institutional design, naming the subject, reflection, crisis, Cambridge School, political ontology

UDC: 1(091)+32.001+316.75

DOI: 10.53953/08696365_2026_200_4_191

The article introduces the concept of sublimation (in the alchemical, not the Freudian, sense) — the mechanism through which political philosophy, working as a social institution of reflexive adaptation to macrohistorical shifts, produces new political subjects and orders. The model radicalizes the historicist turn

1 Эта статья складывалась долго, и я благодарен многим, с кем имел возможность обсуждать отдельные аргументы, общую канву и конкретные варианты текста. Особо я благодарю Михаила Велижева, Татьяну Вайзер и Андрея Фетисова за возможность обсуждать многие ходы и аргументы на разных стадиях работы, а Татьяну Вайзер — отдельно за возможность собрать их в цельный текст. Константина Дулина и Владислава Калинина благодарю за подробный разбор специфических аргументов и критические замечания по тексту, которые я постарался учесть. Я также признателен Александру Бикбову, Александру Долгину, Кириллу Кринкину, Арсению Куманькову, Наталье Липкиной, Александру Мельникову, Дидье Минёру, Адриану Пабсту, Владимиру Роговскому, Дмитрию Рогозину, Петру Сафронову и Игорю Федюкину за ценную обратную связь и обсуждения. Ответственность за итоговый текст и все оставшиеся в нем ошибки целиком мои.

ский поворот (Кембриджская школа, история понятий): теперь вопрос не только в том, «что философ делал текстом», но и в том что он произвел в социальной реальности, в поле конкурирующих проектов и политических игроков. Философ находит живые социальные практики, способные стать основанием нового порядка, и именует коллективного субъекта: имя не наклеивается на готовую группу явлений, а собирает рассеянные практики и идентичности в субъекта. Так мыслитель набрасывает институциональный эскиз и через серию проверок утверждает новое имя как саму социальную реальность. В статье различается плазма практик (то, что люди делают) и аффективная плазма (то, что они чувствуют и чего ждут); возгонка обращается к обоим типам плазмы, но в случае опоры только на аффекты оборачивается утопизмом или популизмом. Феноменологически описан механизм возгонки в четырех измерениях и его режимы неполноты: деконструкция без прототипирования, утопизм, хранение без активации. В заключении диагностируется современная ситуация: кризис либеральной демократии, глобальная метарамка политического и распад больших нарративов создают условия для активации механизма, но новое имя и порядок не названы.

(the Cambridge School, conceptual history): the question is not only what a philosopher did with a text, but what the text produced in social reality — within a field of competing projects and political actors. The philosopher locates living social practices capable of grounding a new order and names a collective subject — the name is not affixed to a ready-made group but gathers dispersed practices and identities into a subject — then sketches an institutional design and asserts the new name as social reality itself. Two layers of social material are distinguished: the plasma of practices (what people do) and affective plasma (what they feel and expect); sublimation in the strict sense must work with the first layer, and this distinction sets it apart from utopianism and populism. The article describes the four dimensions of the mechanism and its modes of incompleteness: deconstruction without prototyping, utopianism, and storage without activation. In conclusion, it diagnoses the present situation: the crisis of liberal democracy, the global meta-frame of the political, and the collapse of grand narratives create the conditions for activating the mechanism, but a new name and a new order have not yet been named.

Современная политическая теория и философия живут в странной ситуации. Кризисы политэкономического и социального порядков множатся — кризис представительства, трансформация государства, эрозия либеральной демократии, ожидания вечного мира для многих неожиданно сменились уже почти обыденными военными операциями и войнами, все глубже разрывающими ткань повседневности. Однако философская работа сегодня почти не ведет к созданию новых политических субъектов и решений в ответ на эти разрывы. Политическая мысль интерпретирует происходящее, уточняет понятия и анализирует исторические языки политики, но все реже сама становится событием, меняющим политическую реальность. Отчасти это связано с тем, что политическая философия в последние десятилетия все чаще понимается прежде всего как историко-интерпретативная дисциплина.

Как академическая дисциплина политическая философия традиционно понималась в жанре истории идей — циркуляция концептов от Платона до Ролза, трансформация вечных вопросов о справедливости, власти и свободе сквозь время. Во второй половине XX века несколько историцистских школ независимо друг от друга совершили принципиальный сдвиг в сторону чтения философских текстов в конкретном историческом контексте с пониманием специфики языка конкретного сообщества. *Begriffsgeschichte* осмысляла диалектическую связь между ключевыми понятиями и макросоциальным порядком, указывая на прежде всего эпохальные, почти геологические сдвиги². Кембриджская школа предложила принципиально иной фокус: для Скиннера за

2 См. программную работу: Koselleck R. *Begriffsgeschichten*. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 2006.

каждым текстом стоит живой автор со своим намерением, действующий в конкретной полемической ситуации; политический язык, понимаемый как живая традиция, у Покока задает условия мысли и речи³. Это были шаги от вечных концептов к исторически укорененному воздействию речи. Мы радикализуем эти линии в более общую модель. Вопрос «что философ делал своим текстом» ведет — но еще не доводит — к тому, что философ производил в социальной реальности: в пространстве конкурирующих мыслителей, проектов и политических игроков на фоне больших социальных трансформаций.

Впрочем, внутри широко понимаемой Кембриджской школы есть работы, идущие дальше. Иштван Хонт показал, как философия XVIII века — Юм, Смит, физиократы — не просто комментировала международную торговую конкуренцию, но производила концептуальные основания национального государства: понятие «интереса государства» претерпело возгонку, когда торговля стала «мускулами войны», и из сырой материи меркантилистского соперничества философы выплавили институциональные формы политики и рынка, ставшие затем естественными⁴. Философ Смит писал «Богатство народов» не как трактат о вечном мире — он прототипировал конкурентную стратегию национального выживания. Историк Хонт предлагал вернуть наследие XVIII века как наилучшую аналитическую рамку для современной дискуссии; мы идем дальше — видим конституирующую роль этого наследия. Это и есть переход от речевого акта к производству социальной реальности.

Политическая философия, работающая как институт рефлексивной адаптации, сталкивается лицом с поражением или кризисом — крахом существующего порядка или непосредственной угрозой наступления неприемлемого нового. Действенная политическая философия пишется в момент, когда старый порядок перестал быть онтологически убедительной реальностью — или когда чужой новый набор институтов предстает как неминуемая угроза. Поражение или кризис — необходимое, но недостаточное условие начала философской работы. Большинство поражений и катастроф не порождают работающей философии.

Между кризисом и новой онтологией стоит философская работа — способность обнаружить в живой социальной практике зародыши нового порядка и возвысить их до универсального принципа, как правило, реализуемого новым социальным субъектом. Когда построенный на изгнании царей греческий полис проигрывает монархической Македонии, Аристотель возгоняет сам принцип правления по закону в интересах целого — отвлеченный от конкретной афинской формы и годный даже для победивших монархий. Эту работу мы и называем возгонкой. Возгонка как аналитическая категория здесь работает ретроспективно — мы распознаем ее постфактум и описываем ее феноменологию. На практике она чаще совершается во многом вслепую, а большинство попыток проваливаются⁵.

3 Skinner Q. *Visions of Politics*. Vol. 1: Regarding Method. Cambridge: Cambridge University Press, 2002; Pocock J.G.A. *Political Thought and History*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. См. также: Кембриджская школа: Теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т.М. Атнашев, М.Б. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018.

4 Hont I. *Jealousy of Trade*. Cambridge: Harvard University Press, 2005.

5 Наша модель не описывает объективные стадии или циклы истории — она реконструирует схему во множестве кейсов, где перформативно действует политический философ. Это идеальный тип в веберовском смысле, а не закон исторического развития.

Политическую философию стоит понимать как ключевой общественный институт или форму осознанной коллективной адаптации обществ к макроизменениям, работающую не над практикой и не как ее отражение, а внутри нее⁶. По умолчанию этот институт спит: философия остается тонкой аналитической игрой или историей мысли — без проекции на перекодировку реального. Такая дрема поддерживает статус-кво. Отказ от переименования и прототипирования оставляет действующий порядок без интеллектуального конкурента. В активной фазе философия служит катализатором появления новых субъектов и порядков. Когда мы спрашиваем не «что имел в виду Гоббс», а «что Гоббс произвел в социальной реальности» — мы переходим от интеллектуальной истории к теории политического мышления как института. Описание этого механизма адаптации, его условий, режимов неполноты и границ составляет предмет настоящей статьи⁷.

Наша модель лучше проявляется в живом поле близких собственно философских линий — А. Бадью, Р. Эспозито, К. Касториадиса, Э. Лакло и Ш. Муфф, К. Лефора. Возгонка в нашем смысле — это не институтирующая жизнь, не зов события, не общественное воображаемое, творящее себя, а селективный, одновременно практический и творческий жест конкретных философов в моменты, когда плазма практик перерастает наличные имена.

Когда политфилософия становится практичной

Не каждый, кто пишет о политике и комментирует происходящее с опорой на Макиавелли, Спинозу или Маркса, — политический философ в том смысле, который нас интересует. Памфлетист, эксперт, пророк, идеолог тоже работают с политическими смыслами. Что отличает интервенции философа-практика от этого ряда? Не глубина мысли и не масштаб претензий, а специфическая функция — производство новой онтологии политического через именование субъекта и набрасывание институционального эскиза из рефлексии практик. Мы хотим заузить понимание предмета, выделив его уникальный компонент. Без этой метасоциальной функции политическая философия не стала бы собой. В ее обыденном дремлющем модусе передачи традиции заложено почтение к порождающей мощи редких моментов, когда мысль работает как институт прототипирования институтов и субъектов.

В обычном режиме памфлетист работает внутри заданного словаря — обвиняет, защищает, убеждает, но не меняет рамку спора. Эксперт описывает, измеряет, оптимизирует порядок, не ставя под вопрос его основания. Пророк говорит от имени трансцендентного источника и не нуждается в том, чтобы разглядывать магму социальной практики. Идеолог, пропагандист или политтехнолог берет готовую концепцию и адаптирует ее к нуждам субъекта-заказ-

6 Институциональная инфраструктура возгонки — от платоновской Академии и аристотелевского Ликей через салоны и кафедры к партийным газетам, *think tanks* и цифровым платформам — образует мезоуровень механизма; его полноценная социология выходит за рамки этого эссе. Ср. набросок такой интерпретации: Атнашев Т.М., Вайзер Т.В., Велижев М.Б. Двести лет опыта // Несовершенная публичная сфера. История режимов публичности в России. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 46.

7 «Адаптация» здесь — не биологический термин, а способность общества сохранять связность коллективного «мы» в условиях макросдвигов.

чика (вождя, аппарата партии, бизнеса, профсоюза и т.п.), которого он обслуживает, а не создает.

Политический философ в пределе делает нечто иное. Он буквально производит субъекта, которого не существовало до этого как артикулированной политической силы, и дает контуры новых институтов. Макиавелли после падения итальянских республик и череды иностранных вторжений не только оживляет республиканскую традицию и ее словарь, но и производит Государя как нового политического субъекта, символически отделяя реальность действия в политике от символической власти морали и философской традиции. До «Государя» такого субъекта и такой онтологии в европейском словаре не было. После Макиавелли действие в бреши между моральным и реальным порядками стало центральным мотивом модерна. Впрочем, его призыв объединить Италию три столетия оставался и без индивидуального героя — до Гарибальди и Кавура, и без коллективного субъекта, артикулированного Грамши.

Специфическая функция делает политфилософию институтом в строгом смысле⁸ — не жанром и не дисциплиной, а воспроизводимой социальной формой с механизмом, условиями активации и результатами. Чтобы определить ее точнее, отстроимся от нескольких смежных позиций и сопоставим три понимания роли дискурса.

Для начала важно провести границу с Бадью. Его субъект рождается из События — «на краю пустоты» самой ситуации, и оно потому не выводимо из ее *état*, счета счета⁹. Удерживается этот субъект не созерцанием, а верностью и форсированием (*forçage*), которые несет активист внутри самой процедуры истины. Философия у Бадью этими истинами обусловлена, она их не производит. Граница, которую проводим мы, проходит не по линии «имманентность против трансценденции». Материалистическая пустота у Бадью внутренне присуща самой ситуации как ее собственное ничто. Мы обращаем внимание не на пустоту или точки разрыва, а на многослойную живую материю практик, где люди постоянно производят смысл. Событие для нас — манифестация социального противоречия, а не неразрешимая добавка к наличному; кризис мы понимаем как крах, а философскую работу не как верность тому, чего всегда еще и уже нет, а как узнавание, перенос и пересборку того, что уже работает. Наконец, наша программа различает плазму практик, где производятся институты, и аффективную плазму, где производятся настроения и резонируют ценности. Обе линии важны, но у Бадью они слиты — и полнота аффекта прикрывает пустоту практики¹⁰.

-
- 8 Недавний «институциональный поворот» (*Esposito R. Vitam instituere. Genealogia dell'istituzione. Torino: Einaudi, 2023; Esposito R. Pensiero istituyente: Tre paradigmi di ontologia politica. Torino: Einaudi, 2020.*) ставит смежный вопрос о связи жизни и института, но, как и ранее Касториadis, растворяет учреждающего агента в безличной онтологии. Нас интересует обратное: как конкретный философ в конкретном кризисе совершает операцию переноса — которая может удался или провалиться. Саму такую деятельность мы рассматриваем как часть институционального механизма рефлексивной адаптации.
- 9 Badiou A. *L'Être et l'Événement*. Paris: Éditions du Seuil, 1988.
- 10 Это возражение изнутри марксизма точно сформулировал Даниэль Бенсайд, прочитавший бадьюанское Событие как «чудо», а сопутствующую ему политику — как «спекулятивную левую» без стратегии, медиаций и институтов. Bensaïd D. *Alain Badiou et le miracle de l'événement // Bensaïd D. Résistances. Essai de taupologie générale*. Paris: Fayard, 2001; англ. пер.: Alain Badiou and the Miracle of the Event // Think Again: Alain Badiou and the Future of Philosophy / Ed. by P. Hallward. London; New York: Continuum, 2004. P. 94–105. Бадью отвечает на это возражение в «Logiques des mondes»

Лакло и Муфф ближе нашей модели в том, как они описывают артикуляцию разрозненных требований вокруг пустого, но общего означающего и понимают именование как арену конкуренции проектов¹¹. Однако их субъект собирается прежде всего через антагонизм; мы видим больше стратегий (кооперация, кооптация, альянсы) и, что важнее, — другое основание: не пустоту означающего, а институциональную плотность практик. В этом смысле мы скорее достраиваем их символический агон через его заземление.

Эти разграничения позволяют в несколько шагов сформулировать собственную модель, уже вплотную опираясь и отстраиваясь от нескольких авторов. Во-первых, для нас теоретический дискурс функционален как среда формирования и коррекции политик и институтов. Вивьен Шмидт различает координационный дискурс элит и коммуникативный дискурс, легитимирующий решения в обществе¹². Для нее в модусе координации элит идеи обладают буквальной каузальной силой. Однако для Шмидт они работают внутри уже заданного пространства субъектов — меняют политики и корректируют институты, а не производят новых акторов и порядки. Зазор между дискурсом и социальной онтологией сохраняется.

Второй ход утверждает, что дискурс перформативен и вплетен в социальную и институциональную ткань эпохальных сдвигов. В логике «Критики и кризиса» Козеллек показал, что критика не сопровождает политический процесс — она детонирует его¹³. Просвещенческая критика абсолютизма переводила политический конфликт в зону морального приговора, и само это именование — «деспотизм», «тирания», «предрассудок» — производило кризис, а не описывало его. Дискурс здесь уже не инструмент, а взрыватель. В рамках *Begriffsgeschichte* Козеллек и коллеги показали, что в «седловое время» (*Sattelzeit*, примерно 1750–1850 годы) ключевые понятия темпорализируются, демократизируются, политизируются и становятся орудием конкурирующих проектов. Однако внимание *Begriffsgeschichte* сосредоточено на безличных социальных силах и процессах, а не на индивидуальных авторах и их интервенциях. Следуя предпосылкам Кембриджской школы, мы будем обращать внимание на отдельных авторов, их намерения и на перформативный характер их речевых актов. Для нас макросоциальные сдвиги становятся ландшафтом и вызовом для встречной философской работы.

Третий ход, строго наш, утверждает, что философский дискурс в своей живой фазе конститутивен: он создает и субъектов, и отбирает прототипы-образцы институциональных решений. Успешное именование практики и акторов как реальности не сопровождает появление нового субъекта — оно конституирует субъект и собирает новые решения. До именования есть диффузная плаз-

(Badiou A. Logiques des mondes. L'Être et l'Événement, 2. Paris: Éditions du Seuil, 2006) теорией тела истины, точек и длящейся верности; но и тело истины остается носителем процедуры верности, а не воспроизводимой социальной формой с механизмом активации — то есть не институтом в нашем смысле.

11 Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. London: Verso, 1985.

12 Schmidt V.A. Discursive Institutionalism: The Explanatory Power of Ideas and Discourse // Annual Review of Political Science. 2008. Vol. 11. P. 303–326; *Idem*. Taking Ideas and Discourse Seriously // European Political Science Review. 2010. Vol. 2. № 1. P. 1–25.

13 Koselleck R. Kritik und Krise. Freiburg: Karl Alber, 1959 (англ. пер.: Critique and Crisis. Cambridge: MIT Press, 1988).

ма практик и игроков; после успешного именованья — политическая сила, способная действовать и претендовать на представительство. Декларации, хартии, манифесты и конституции закрепляют найденные формы в долгосрочные образцы и институты¹⁴.

Эти ходы позволяют выделить три типа философского действия. Изобретение: философ производит новую матрицу решений, субъекта и словарь, которой до него не существовало. Платон проектирует власть достойных и мудрых, Маркс изобретает пролетариат как глобальный класс; Гоббс изобретает суверена как искусственное лицо через акт репрезентации. Второй тип — универсализация или импорт, когда философ берет локальную практику или институт и переводит их в универсальный принцип. Монтескьё универсализирует английское разделение властей; Смит универсализирует логику рынка как саморегулирующегося порядка, а Хайек возводит его в ранг принципа эволюции. Наконец, деконструкция предполагает, что философ разоблачает конкурирующие сборки, показывая их несостоятельность или скрытые чужие интересы. Маркс деконструирует буржуазную политэкономия, Поланьи убеждает, что рынок — редкое исключение из истории; Арндт деконструирует тоталитарную логику. Масштабный философский проект обычно сочетает все три в разных пропорциях.

К этому механизму примыкает выбор оси адресата: философ обращается либо к единоличному правителю (Платон — к Дионисию, Гоббс — к суверену), либо к узкой элите через сеть посредников (Платон — к любителям мудрости, Гоббс — к 1000 лучших людей Англии, Локк — к вигам, Хайек — к сети Мон-Пелерена), либо к множеству или большинству (Сийес — к третьему сословию, Маркс — к рабочим). Адресат влияет на материал возгонки. Правитель и элита чаще работают с плазмой практик, тогда как массовый адресат больше соблазняется аффективной плазмой — и здесь риск утопизма выше всего. Одни, как Боден или Маркс, верны своему однажды сделанному выбору адресата, другие, как Аристотель или Макиавелли, по очереди производят работу для всех трех. Сама эта ось и биографические обстоятельства выбора мыслителем своих адресатов заслуживают отдельного глубокого исследования.

Политическая философия действенна как катализатор и создатель прототипов: субъекты, нормы и институты возникают не только из текстов — в конфликтах, практиках, трансформациях, — но в определенные моменты именно философская артикуляция придает практикам имя и институциональный горизонт.

Рефлексия поражения или ответ на угрозу

Сама рефлексия поражения как исток философской работы — не биографическая подробность, а структурное условие¹⁵: новая онтология нужна тогда,

14 Смежный ход в социологической перспективе — «историческая социология понятий» Александра Бикбова: категории вроде «реформы» или «среднего класса» работают как инструменты социального производства, и группы начинают соответствовать своим именам. См.: Бикбов А.Т. Грамматика порядка: Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014.

15 Ср. Магун А.В. Отрицательная революция: К деконструкции политического субъекта. СПб.: Издательство Европейского университета, 2008. Магун развивает тему поражения как конститутивной меланхолии субъекта.

когда старая перестала работать или возникла угрожающая альтернатива. Пока старый порядок воспроизводит себя как само собой разумеющийся, нет ни потребности в ней, ни запроса, готового принять ее как канву для рисков нового и дорогостоящих экспериментов. Рефлексия поражения означает принять ответственность на себя и сделать новый набросок своего видения, а не растревлять горечь и resentment проигравших к победителям.

Кризис разрушает само собой разумеющееся и делает видимой контингентность того, что казалось необходимым и здоровым, как бы вдруг обнаруживая его внутреннюю порочность и неустойчивость¹⁶. И он создает запрос: люди, переставшие понимать, в каком мире живут и кто они в этом мире, ищут новое имя и новые рамки. Философия, которая умеет дать это имя, получает социальную энергию, многократно превосходящую ее академический или аналитический вес.

Кризис бывает двух разных типов. Первый — крах существующего порядка. Старая коллективная идентичность и социальный порядок порождают острый финансовый кризис казны, массовый голод или распадаются под ударом войны, революции, экологической катастрофы. Платон пишет проект меритократической политеии после казни Сократа, которая для него стала не просто несправедливостью, а диагнозом: демократия убила лучшего гражданина — значит, власть большинства и власть мудрости несовместимы. Гоббс открывает пространство репрезентации и юридической передачи полномочий как контрактную основу власти накануне цареубийства и гражданской войны, в которой английское общество показало способность поглотить само себя. Арндт, Адорно, Хоркхаймер, Левинас, Хабермас или Солженицын пишут после того, как европейская цивилизация произвела Освенцим и ГУЛАГ. Мыслитель работает с падающими колоннами или даже с руинами — но руины суть строительный материал.

Показательна механика марксовской возгонки. Маркс приезжает в Лондон в 1849-м, через год после провала чартизма на Кеннингтон-Коммон; движение расколото, но организационная ткань — кассы, клубы, стачкомы — осталась, а имя и рамка радикализма XVIII века обанкротились. Он пишет изнутри (для чартистского «Notes to the People»), а не наблюдает издалека. Фабричный рабочий, живущий в регистре выживания и состоящий в кассе взаимопомощи, тут — до-онтологический материал; изобретение пролетариата как макроисторической категории есть перенос локального в регистр исторической онтологии. Поражение чартизма дает практики и создает аффективный пласт неисполненных ожиданий, с которыми работает Маркс.

Второй тип — угроза чуждого нового порядка, и обычно это реакция правых на эксперименты левых¹⁷. Старое «мы» держится, но на горизонте появился враг, несущий другую онтологию. Бёрк пишет, когда революция победила во Франции и ее принципы начали распространяться среди вигов, — не дожидаясь, пока они победят в Англии. Мизес, Шумпетер и затем Хайек пишут, когда плановая экономика и «советы» становятся альтернативой рынку и демократии, набирая сторонников среди образованных людей Запада по обе стороны Атлантики. Здесь задача философа состоит в иммунизации: показать,

16 Ср. название классической книги Юрчака «Это было навсегда, пока не кончилось» (Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014), *ex post* отлично подходящее многим старым режимам.

17 См.: Атнашев Т.М. После прогресса. Как понимать политический спектр «лево — право» в эпоху контингентности // Неприкосновенный запас. 2022. № 142. С. 69–107.

что конкурирующий порядок сам фундаментально неустойчив и порочен. Интеллектуальное упражнение такого класса требует сверхусилий по сравнению с критикой изживающего себя порядка.

Но оба типа требуют мыслителей, которые умеют прочесть поражение или экзистенциальный вызов как новую карту возможного. Большинство интеллектуалов реагируют на кризис ностальгией, утопией, апокалиптическим отчаянием и адаптацией к новому порядку. Политическая философия как действующий институт позволяет людям и обществам принципиально иное: читать кризис как симптом того, что в социальной материи уже существуют практики нового порядка, которые ждут именованья акторов и институциональной формы.

Есть и редкие случаи упреждения кризиса. На примере реформ трибуната в Древнем Риме, *Crisis of the Orders* и британских реформ (1832, 1867 и 1884 годов), Великих реформ Александра II, Прогрессивной эры и *New Deal* Хойер и Турчин показывают, что действующая элита иногда способна сама произвести возгонку и интеграцию конкурирующего субъекта прежде, чем давление перерастет в поражение¹⁸. Наша модель уточняет их диагноз способности элит к *future thinking*. Активная философская работа и полемика предшествовали элитному сдвигу на 20–40 лет.

Механизм возгонки

Мы предлагаем эскизную модель того, что называем процессом возгонки. Возгонка — идеальный тип и схема, а не универсальный закон истории. Речь не идет и о сверхинтуиции или озарении. Напротив, это воспроизводимая рефлексия опыта и социальное воображение в четырех измерениях, каждое из которых имеет свою логику и свои условия провала. Проработанность каждого измерения существенно зависит от стиля конкретного деятеля. Философы в роли алхимика действуют не как великие демиурги, а скорее как садовники и иногда естествоиспытатели — и они всегда узел в большой и сложно устроенной сети¹⁹. При этом авторская интенция индивидуальна, изобретательна и избирательна; сеть служит средой сборки и проверки. Узлы автономны в решениях, но связаны по результату. Если в социальной магме нет готовых устойчивых и работающих практик, имя и порядок не приживутся и останутся утопией. Интеллектуальная работа и плазма практик и эмоций — две несводимые логики: ни интеллектуальная работа прямо не вытекает из движения плазмы, ни плазма прямо не подчиняется мысли.

Первое измерение связано с осознанием и утверждением контингентности давно сложившегося, но исчерпанного или нависающего нового порядка. Философ видит, что существующий порядок не необходим: он возник и может исчезнуть. Имея в виду социальный смысл такой работы как деконструкции современного порядка, Фуко называет ее генеалогией²⁰. Осознание контин-

18 Hoyer D., Turchin P. et al. Crises Averted: How a Few Past Societies Found Adaptive Reforms in the Face of Structural-Demographic Crises // *Cliodynamics*. 2025. Vol. 16. № 1. P. 1–50.

19 Благодарю Владислава Калинина за глубокое обсуждение этого узла и артикуляцию понятия «сети».

20 Мы следуем тут интерпретации Андрея Олейникова. См. Олейников А.А. Будущее в настоящем // *Неприкосновенный запас*. 2022. № 2 (142). С. 57–68.

гентности любого института может показаться простым, но его социальная цена высока — оно разрушает фоновое убеждение, что вещи не могут быть иначе. Без этого первого такта все остальное невозможно. Дальше мыслитель рефлексивно осмысляет и показывает обществу внутреннюю противоречивость и обреченность старого или альтернативного уклада. В пределе современникам становится совершенно ясно, что старый порядок никогда не был работоспособен и был всегда морально невыносим.

Второе измерение — внимательное разглядывание практик, рефлексия. Здесь философ делает то, что отличает его от наивного утописта или популиста: он внимательно смотрит в настоящее, в те его слои, которые большинство не замечает или не придает им достаточно важности. Рефлексия практик — не нейтральное наблюдение, а теоретически и нормативно нагруженный отбор. Философ видит в магме то, что его интуиция и воображение позволяют увидеть и усилить. Второе и третье измерения работают не последовательно, а в герменевтическом круге: рамка и материал формируются вместе. Текстура практик неоднородна, особенно когда речь идет о долгосрочных трансформациях: она состоит из градиентов разной плотности, и самое устойчивое в ней — сложившиеся практики, содержащие зародыш другого порядка.

Гоббс, конструируя грозного суверена-Левиафана, опирается на юридическую практику передачи полномочий и представительства интересов — и возгоняет ее в принцип политического порядка. Монтескье всматривается в современную Англию, чтобы обнаружить готовый синтез республиканской традиции, защиты собственности и коммерческих свобод. Смит собирает свой пазл из наблюдений и моделей политэкономов своего времени, чтобы предъяснить правящим Европой чудесный саморегулирующийся порядок как основу богатства наций. Маркс разглядывает и именуется монополизацию и кризисы перепроизводства, кассы взаимопомощи, стачкомы, Парижскую коммуну — признаки кризиса старой экономики и новые формы солидарности, содержащие логику коллективного субъекта. Спустя пятьдесят лет после Маркса Эрнст Юнгер посмотрит на фабрику-конвейер и индустриальную мобилизацию — и увидит не эксплуатацию, а новый антропологический тип: человека, преодолевшего буржуазный индивидуализм через дисциплину. Конкуренция Маркса и Юнгера — фундаментальная характеристика практики политической философии²¹. Второе измерение требует наблюдения, рефлексии, но и воображения: философ должен увидеть в практике новый потенциал возможного.

Здесь полезно различить два слоя плазмы. Первый — практики: то, что люди регулярно делают вместе. Коммерческие сделки и юридические передачи полномочий, революционные советы, матримониальное поведение, религиозные обряды или приходские собрания. Второй слой — аффективная плазма: то, что люди чувствуют, чего боятся, на что надеются. Ресентимент, ожидание мира, страх миграции или гражданской войны, ностальгия по утраченному, надежда на прогресс и справедливость могут заряжаться сильными эмоциями. Возгонка в смысле прототипирования институтов работает с первым слоем: философ берет устойчивую практику и переносит ее в новый регистр как основу порядка. В другом формате философ и политик могут мобилизовать аффектив-

21 Из несколько наивной в данном случае перспективы здравого смысла можно сказать, что Адам Смит, Карл Маркс и Эрнст Юнгер всматривались в одну и ту же социальную реальность промышленной революции на ее разных стадиях.

ную плазму с помощью идеологии и риторики как рычаг для получения власти, но такая эмоциональная мобилизация без сцепления с практикой не дает обещанный результат или дает сохранение статус-кво в новом облиции, а не новый институт. Это различие проходит через всю последующую модель: оно отличает возгонку от популизма, а ставку на зеркало узнавания практики — от ставки на коллективные настроения и эмоциональный заряд ценностей.

Различие асимметрично: практика без связанного с ней аффекта редка и не опасна, аффект без практики типичен и порождает утопизм или популизм²². Возгонка требует практики как материала; аффект она использует как заряд, но на одном заряде нельзя построить институты. В основе всегда конкретная институциональная форма, уже работающая в другом домене: Гоббс — передача полномочий, Смит — рыночный обмен, Маркс — стачкомы и кассы, Арендт — советы. Критерием является не «практика вообще», а практика, демонстрирующая локальную устойчивость и воспроизводимость в масштабе: утопист проектирует из головы, практический философ — из того, что уже живет и стоит само. Грань предполагает скорее ответственное арендтовское качество суждения, чем точность выводимой математической формулы.

Кэтрин Маккиннон в конце 1970-х взяла массовую практику сексуального принуждения на рабочем месте, осмыслявшуюся как частное поведение, и перенесла ее в публичный юридико-политический регистр, показав, что это форма дискриминации по признаку пола. В новой рамке практика оказывалась тождественной расовой дискриминации, для которой институциональный рецептор уже был построен до нее (аболиционисты, 14-я поправка, *Civil Rights Act 1964, Title VII*). Маккиннон вложила в него новую категорию: после введения имени *sexual harassment* по-новому заработали готовые институты и санкции. Симона де Бовуар поколением раньше создала условие этой цепочки — переименовала «женщину» из биологической данности в политического субъекта в системе подчинения. Имя было подхвачено неформальной сетью передачи и переведено в реформы 1960–70-х годов. В других условиях, при другом состоянии практической и эмоциональной магмы, большой философский ход Олимпии де Гуж, написавшей «Декларацию прав женщины и гражданки», был встречен большинством французских революционеров холодным молчанием — а хозяйки парижских салонов не узнали себя и своих прав²³.

Пересборка и именование коллективного субъекта составляют третье измерение философской работы. Автор берет осмысленные им формы жизни и совершает двойной акт: собирает из них композитного субъекта и дает ему имя. Эти два действия неразделимы. Сборка без имени остается социологическим описанием. Имя без сборки — буквально пустое означающее (тут как раз не в смысле Лакло и Муффа). Прежде субъект существовал как диффузный градиент практик без имени и лидеров; после именованного — как сообщество, способное к координации и делегированию действий от его лица. Сийес перечисляет земледельцев, ремесленников, торговцев, людей свободных профессий и собирает из них Nation — против привилегированных сословий. Но сила

22 Благодарю Константина Дулина за обратную связь и внимательный разбор соотношения аффективной и прагматической плазмы.

23 Gouges O. de. Déclaration des droits de la femme et de la citoyenne // Gouges O. de. Les droits de la femme. À la reine. [S. l.: s. n.], 1791. Cp.: Blanc O. Olympe de Gouges. Paris: Tallandier, 2014.

нового имени оказалась такова, что уже в июне 1789 года в Нации узнали себя и клирики, и дворяне, присоединившись к Национальному собранию. Маркс не описывает фабричных рабочих, но производит мировой пролетариат. Юнгер рисует эскиз Рабочего, грозной фигуры планетарного масштаба²⁴.

Сборка коллективного субъекта идет через набор риторических операций, каждая из которых определяет границы нового «мы»²⁵. Включение расширяет границы: Сийес включает в национальное целое всех, кто трудится, независимо от сословия. Патронаж выстраивает иерархию внутри субъекта: авангард ведет массы, философы правят городом, братские народы включаются в нацию или империю. Союз связывает разнородные группы общим интересом или врагом, как рабочие и крестьяне. Исключение проводит границу: паразиты, эксплуататоры, враги народа не входят в новое «мы». Вражда конституирует субъекта через антагонизм: без буржуазии нет пролетариата, без тирана нет республиканца. Наконец, деконструкция направлена не вовне, а против конкурирующих сборок того же материала. Маркс деконструирует «нацию труда» и «христианское братство рабочих», чтобы утвердить пролетариат как единственно верную сборку фабричной магмы. Вектор этих операций определяет, какой субъект будет собран и насколько устойчивой окажется конструкция.

Но и успешное именование недостаточно без эскиза институтов. Субъект, которому некуда войти, остается призраком. Опираясь на рефлексию практик, включая апологию и критику, философ набрасывает архитектуру институтов, в которых новый воображаемый субъект будет устойчиво воспроизводить себя. У Маркса это партия нового типа с опорой на профсоюзы; у сверхдейственного философа Ленина — единая и единственная партия «профессиональных революционеров» как форма диктатуры пролетариата и переходная форма к бесклассовому обществу. У Гоббса это Левиафан — искусственное тело суверена, в котором атомизированные индивиды сохраняют жизнь²⁶. У Платона — политейя с системой воспитания и философами-правителями. Эскиз не должен быть детальным, но достаточно конкретным, чтобы субъект мог узнать себя и однажды перейти к реализации программы.

Между философским текстом и новым порядком всегда стоит мезоуровень трансляции — цепочка посредников (партии, университеты, издательства, церкви, профсоюзы, платформы), и она редко бывает прямой. Неолиберальная возгонка шла почти полвека: от Менгера и Мизеса к Хайеку, через Мон-Пелерен, Чикагскую школу и *think tanks* — к программам Рейгана и Тэтчер; философский текст становился учебником, учебник — экспертной рекомендацией, рекомендация — предвыборной платформой. Симметрична левая цепочка. Маркузе переименовал субъекта эмансипации, поставив на расовые, сексуальные и культурные меньшинства²⁷, — и был отвергнут собственными студентами,

24 Jünger E. Der Arbeiter: Herrschaft und Gestalt. Hamburg: Hanseatische Verlagsanstalt, 1932.

25 Ср. Более подробное описание этих ходов сборки идентичности: Атнашев Т.М. Русская нация после российской империи? Модель для сборки либерального хронотопа в XXI веке // Новое литературное обозрение. 2024. № 188. С. 172–196.

26 Филиппов А.Ф. К теории социального действия. СПб.: Владимир Даль, 2022. Пример хранения языка для будущей возгонки и систематической теоретической рефлексии того, как понятия суверенитета, солидарности и чрезвычайного положения функционируют в политической жизни.

27 Marcuse H. An Essay on Liberation. Boston: Beacon Press, 1969.

возгонка обогнала алхимику; но через десятилетия университетов, платформ и медиа его пересборка на время установила гегемонию дискурса *social justice*.

Утверждение нового имени как реальности — четвертое измерение возгонки. Философ буквально утверждает, что имя и есть реальность. Сийес в памфлете января 1789-го объявляет третье сословие нацией²⁸, а через пять месяцев лично проводит резолюцию, переименовывающую Генеральные штаты в Национальную ассамблею, — имя из брошюры становится институтом. Маркс не говорит, что было бы хорошо, если бы пролетариат стал субъектом истории, — он утверждает, что научно доказал его роль могильщика капитализма, впрочем, сохраняя требование к сознательному ускорению объективного процесса. Ренан, призывая ежедневно голосовать за нацию на плебисците²⁹, обнажает конструктивистский прием. Претензия на объективность вместе с призывом мобилизоваться — не противоречие, а структурный жест философии Модерна: имя должно звучать как открытие истины реального, но требовать от людей перформативного соучастия. В отличие от научного эксперимента и научной теории, такое открытие не описывает уже-существующее, а производит его актом взаимного распознавания: аналитический и нормативный регистры совпадают здесь по необходимости.

Прежде чем перейти к патологиям, сделаем размежевание с близкими линиями. С Бадью первое различие проведено выше: у него субъект рождается из верности Событию на краю пустоты, у нас — возгоняется из наличной плазмы (благодать разрыва против алхимии практик). Строгий последователь Бадью спросит, почему возгонка дает истинно новое (*vérité*), а не перекомбинацию наличного знания (*savoir*), — и ответ несет механизм узнавания ниже: объем нового имени нельзя вычислить заранее из энциклопедии ситуации, он решается лишь разворачиванием признания. Истина у Бадью бесконечна и неразличима, а верность нельзя поколебать даже самым скверным результатом. Провал Культурной революции списывается на «усталость» и «реставрацию», но не на Событие. Модели, так заранее встраивающие оценку в онтологию, видят для философской работы очень узкий спектр революционных движений к всеобщему, исходящему из пустоты³⁰. Деррида доводит негативную онтологию множественного до новой этики: коллективные имена — «класс», «нация», «партия» — должны оставаться призраками, тревожащими настоящее, а не воплощаться в институт; его «Новый Интернационал» — программный отказ от четвертого такта возгонки³¹. Напротив, Эспозито в «*Pensiero istituyente*» делает близкий нам шаг. У него институтирующее предшествует институтированному, но он оставляет акт учреждения анонимной сти-

28 Sieyès E.-J. Qu'est-ce que le Tiers-État? Paris: [s. n.], 1789.

29 Renan E. Qu'est-ce qu'une nation? Paris: Calmann Lévy, 1882.

30 У Бадью реакция заведомо не может стать Событием, лишь симуляком, сборкой вокруг субстанции (крови, почвы), а не вокруг пустого всеобщего. Наша возгонка универсальна и дескриптивна, включая и Маркса, и Берка. Бадью ставит на эмансипацию за счет решения не мерить политику бухгалтерией жертв и следствий, выводя ее из поля разумного суждения и делиберации.

31 Derrida J. Spectres de Marx: l'état de la dette, le travail du deuil et la nouvelle Internationale. Paris: Galilée, 1993; De la grammatologie. Paris: Minuit, 1967. Деррида читает насилие именования онтологически и переводит его в этику отказа от института («Новый Интернационал» как не-партия, не-программа), удерживая *double bind*: деконструировать онтотеологию суверенности, не отменяя мысли о свободе.

хии жизни, а не авторам со своими интенциями и суждениями. Касториадис также фиксирует творящее воображаемое как анонимный социальный двигатель³². Мы возвращаем фигуре философа избирательное действие, реализм и намерение: не общество, автоинститутирующее себя, а узловые агенты, на свой риск выбирающие одну из формирующихся в плазме линий или заимствующие практики³³. Своеобразный мистический поворот в самопонимании политической философии, характерный в частности для левой мысли после Бенямина, может быть подвергнут реалистической коррекции.

Сбой в любом из четырех измерений ослабляет конструкцию. Контингентность без практики дает чистую критику или утопию; рефлексия практики без именованного — антропологию; имя без эскиза института — миф; непринятое имя остается гипотезой для будущего. Каждый из режимов неполноты имеет свое историческое лицо, и к ним мы еще вернемся.

Новое имя реального: испытания, узнавание

Центральный акт возгонки — именование — легко спутать с риторикой или пропагандой. Это ограниченное понимание. Как мы показали, новое имя не произвольно, оно работает, потому что схватывает нечто реальное в подвижной социальной материи — реальные практики, локальные идиомы, типичные группы, реальные противоречия. Имя, которое начинает работать, читатель узнает в акте чтения: вот кто мы на самом деле или вот кто они. Узнавание здесь — не пассивная идентификация, а активное отождествление индивида с большой группой или взгляд на значимого другого. Читатель находит в тексте свое отражение, обнаруживает «таких же других», которых раньше не вполне признавал как целое, — и это обнаружение меняет его положение в социальном пространстве. Указание на «капитализм», апология «рынка и демократии», открытие «прогресса», а затем «модернизации» стали новыми именами реального, которые через несколько циклов активного употребления стираются до пустых клише и критикуются уже за эту пустоту. Внутри перформативной функции философского языка действуют как политики или активисты, так и ученые-обществоведы, разумно стремящиеся к большей объективности собственного языка.

Узнавание работает не только когнитивно, но и аффективно: текст, который называет субъекта, должен вызвать эмоциональный отклик (гнев, солидарность, достоинство), иначе имя остается академическим³⁴. Ключевой механизм

32 *Esposito R. Pensiero istituyente...* Эспозито возводит институтирующую первичность к жизни как самоинститутирующей энергии — у нас же институтирование остается актом философа, селективно читающего плазму практик. Клод Лефор близок нам в чтении Макиавелли, но не в касториадианской ветви его мысли, где сами образы создают субъектов.

33 Отталкиваясь от политфилософских работ Андреаса Каливаса, Владимир Роговский в диссертации «Исторический опыт учреждающего взаимодействия левого и правого поля при трансформации режимов на выходе из авторитаризма» предлагает реалистическую интерпретацию форм «учреждающего взаимодействия» в ходе 1990-х годов в России и в странах Восточной Европы и ранее в Испании.

34 Об аффективном измерении узнавания см.: *Flatley J. Affective Mapping: Melancholia and the Politics of Modernism*. Cambridge: Harvard University Press, 2008. Концепция «аффективного картографирования» описывает механизм сборки идентичности

здесь — позициональность и встречное признание³⁵. Философ говорит «от лица»: от лица народа, класса, нации, человечества. Он представляет частную позицию как универсальную, локальный интерес — как всеобщий. Это не обман и не манипуляция. Позициональность конститутивна для производства субъекта, как и узнавание множеством людей себя в именах классов, групп, сословий, кланов, общин и других воображаемых сообществ. Пока никто не говорит от лица пролетариата, пролетариат как политическая сила не существует — есть только фабричные рабочие разных профессий, национальностей и убеждений. Когда Маркс и Энгельс начинают говорить от лица пролетариата, они создают позицию, которую затем могут занять другие — профсоюзные лидеры, партийные функционеры, российские революционеры; ее признают как свою и те, кто стал сознательным пролетарием. Позиция предшествует тем, кто ее займет.

Гегемонический переход — смена имени группы — заслуживает отдельного внимания, потому что он обнажает механизм возгонки в чистом виде. Когда «третье сословие» становится «нацией», меняется не состав группы — меняется вся система различений. Третье сословие существует лишь внутри сословной онтологии через то, чем не является (не дворянство, не клир). Нация или человечество, напротив, претендуют на то, чтобы быть целым, но на деле тоже исключают различные группы людей³⁶. Переименование упраздняет саму рамку, внутри которой прежнее имя имело смысл. Именно поэтому гегемонический переход необратим: после жеста Сийеса вернуться к сословной рамке можно было только как к реставрации «старого режима», а не как восстановлению естественного порядка вещей.

Далее, имя становится реальностью не декретом философа, а через серию испытаний (*épreuves* в смысле Болтански) или моментов, когда именованный субъект действует от своего нового имени и добивается результата либо терпит поражение. Третье сословие становится Нацией не в момент публикации памфлета Сийеса, а когда депутаты в Зале для игры в мяч клянутся не расходиться, и монарх признает их претензию на власть. Пролетариат становится реальностью не когда Маркс пишет «Манифест», а когда Первый интернационал координирует действия массовых рабочих партий нескольких стран. Имя проходит испытание практикой или остается проектом.

Именно механизм именования и узнавания себя множеством людей в реальной массовой или элитарной практике объясняет перформативную силу действенных политических текстов. Ни научный авторитет текста, ни попадание в канон классиков не обязательны: некоторые ключевые имена — например, «модернизация» — остаются почти анонимными для образованной пуб-

через разделяемую расположенность. О противоположном полюсе — бесчувствию и нелюбви как срыве узнавания см.: *Нахшунув Н.* Нелюбовь: к феноменологии бесчувствия в публичной сфере // Новое литературное обозрение. 2026. № 197. С. 215–237.

35 Понятие позициональности пересекается с борьбой за легитимную номинацию у Бурдьё (*Bourdieu P.* *Langage et pouvoir symbolique.* Paris: Seuil, 2001) и режимами истины у Фуко (*Foucault M.* *L'ordre du discours: Leçon inaugurale au Collège de France prononcée le 2 décembre 1970.* Paris: Gallimard, 1971); отличие в том, что у нас авторы способны не только занимать позицию в поле, но и более или менее намеренно учреждать новые позиции, структурируя само поле.

36 См. фрагмент исследования Р. Козеллека из книги «Прошедшее будущее» в настоящем номере журнала (*Козеллек Р.* Историко-политическая семантика асимметричных понятий-антонимов).

лики, но работают, потому что схватывают реально воспроизводимую практику. И наоборот, академически безупречная теория без такого сцепления остается аналитической рамкой, а не перформативным актом. После разгрома Пруссии Наполеоном Фихте проектировал немецкую нацию из мозаики княжеств увядшей Священной Римской империи, собирая единое целое из уже доступного общего языка и культуры³⁷. Протагонистам других наций было легче утверждать «нацию» как естественную форму, но многие столкнулись с конкурирующими сборками идентичности: нет способа заранее установить, одна нация у «чехов» и «словаков» или две. Имя проводит границу там, где ее не было (как семь условных цветов в непрерывном спектре), — и эта граница затем держит социальное зрение. Дело решается в исторической конкуренции и сотрудничестве, вплоть до кровавой борьбы. Особый случай — генезис субъекта-гражданина в России, где конкуренция имперских, национальных и гражданских идентичностей не завершена³⁸.

«Что такое третье сословие?» Сийеса не научный трактат о природе представительства, хотя на этом очень настаивал сам политик. Равным образом статьи Гавриила Попова о «командно-административной системе» в перестройку не были научным анализом позднего СССР, на что также успешно претендовал их автор³⁹. «Манифест» работает с тем же механизмом. Рабочий или разночинец, читающий его в 1848 году, обнаруживает, что он не просто бедный человек и не просто наемный работник — он пролетарий, принадлежащий классу с универсальным интересом к освобождению труда. В случае лидеров движения они представляют интересы пролетариата, не будучи его представителями в буквальном смысле⁴⁰. Это не просто лестно, но это онтологически трансформирующее действие. Человек, узнавший себя в этом зеркале и освоивший новый язык как собственную операционную систему, существует в другом социальном пространстве, чем тот, кто его не видел⁴¹.

Именование часто производит не только субъекта. Оно одновременно производит его другого или врага. Назвать третье сословие Нацией значило одновременно назвать дворянство паразитами и открыть дворянам возможность сменить идентичность. Назвать рабочих пролетариатом — значит назвать буржуазию классом-эксплуататором, отрезав для большинства советских граждан официальную возможность менять происхождение. В этом двойном производстве заключается структурная необходимость: субъект конституируется через отношение, и имя, которое не несет различия, производит не субъекта, а абстракцию.

37 Фихте возгоняет уже работающую практику — общий язык и плотную культурную коммуникацию, предшествующую понятию нации, — а чувство общего происхождения использует как аффективный заряд. *Fichte J.G. Reden an die deutsche Nation*. Berlin: Realschulbuchhandlung, 1808.

38 Каплун В.Л. «Жить Горацием или умереть Катонem»: российская традиция гражданского республиканизма // *Неприкосновенный запас*. 2007. № 5 (55). С. 197–219. См. также: Межуев В.М. Идея национального государства в исторической перспективе // *Полис*. Политические исследования. 1992. № 5–6. С. 10–16.

39 Попов Г.Х. С точки зрения экономиста (о романе Александра Бека «Новое назначение») // *Наука и жизнь*. 1987. № 4. С. 54–65.

40 Флэтли Дж. Ленинская теория аффектов // *Синий диван*. 2017. № 22. С. 193–207.

41 Вайзер Т. Прозрачная демократия? Феноменология (не)видимого в публичной сфере // *Versus*. 2021. Т. 1. № 1. С. 158–193. (Не)видимость других в публичной сфере диагностирует качество демократического порядка.

Удары по чужой онтологии

Возгонка практики через рефлексию и воображение производит нового субъекта и новую онтологию. Новый субъект должен не только появиться рядом со старым порядком — он должен занять его место, включив его нерастворимые элементы в себя. Для этого требуется не только строительство нового, но и разрушение онтологической самоочевидности старого. Пока прежний уклад воспринимается как единственно возможный, новый субъект и его нормы существуют как маргинальный или нишевой проект. Важно оговорить: модель возгонки аналитическая, а не нормативная. Она описывает механизм производства субъектов и порядков, не предрешая их моральной ценности. Маркс и Шмитт, Сийес и Геббельс работают с одним и тем же механизмом — но из этого не следует, что их проекты равноценны. Различие между ними вычитывается из самой модели: возгонка работает на целое, когда поднимает практики, в которых части учитывают друг друга и принимают ценность целого, и извращается, когда ломает эту плотную материю множества ради образа одной части. На этом различии, восходящем к Аристотелю, расходятся Маркс с Геббельсом; к этой мере мы вернемся в конце.

В сильных исторических случаях политфилософия наносит по старому порядку сразу три удара по разным основаниям. Первый удар наносится по необходимости. Старый порядок контингентен: он исторически возник, а не дан природой. Монархия, почти тысячу лет казавшаяся естественным способом политической организации для христианской Европы, осмеивается Локком как абсурдный порядок. До Руссо сословный порядок воспринимался как само собой разумеющееся устройство мира, а равенство было требованием радикальных средневековых сект. После Руссо сословия стали порочным выбором, а частная собственность также оказалась под вопросом — но судьба этого института в XX веке разделилась на несколько больших веток. В моменте показать контингентность института — значит открыть пространство альтернативы: если это не необходимо — значит, может быть иначе.

Второй аргумент направлен против моральной состоятельности. Старый (или угрожающий новый) порядок несправедлив, полон насилия, неэффективен или унижает достоинство тех, кто в нем живет. Этот удар апеллирует к опыту, к тому, что люди уже чувствуют или во что могут поверить, примерив на себя, но еще не сформулировали как несправедливость или рабство. Философ дает язык для немого опыта или интуиций⁴². Молодой Маркс дает язык для опыта отчужденного труда и унижения. Арендт дает язык для понимания чужого для большинства ее читателей опыта тотального господства. Бёрк возводит в модус философии рефлексивную традицию обычного права, противопоставляя насильственные рациональные проекты и органическую социальную эволюцию. Моральный удар говорит людям: то, что вы чувствуете и знаете на практике, содержит в себе фундаментальное основание для правильного и морального уклада, и это называется так-то.

Третья атака приходится по будущему оспариваемого порядка. Чуждый для нас порядок оказывается имманентно обречен, пусть даже и временно способен

42 Ср.: *Атнашев Т.М., Калинин В.В.* Праведный разум: Джонатан Хайт в поисках моральных оснований политики // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. № 39. С. 279–312.

господствовать: он несет отрицание внутри себя, его противоречия неразрешимы в его собственных рамках, и момент обрушения близок или уже наступил. Это самый сильный и самый рискованный из трех ударов. Сильный — потому что снимает вопрос о выборе. Не обязательно отчаянно бороться против старого порядка, надо просто оказаться на правильной стороне истории. Рискованный — потому что делает прогноз и ставку, которые в принципе можно проверить. Бёрк угадывает взрыв насилия после 1789 года. Маркс был убежден, что капитализм несет неразрешимые противоречия, ведущие к краху. Хайек был убежден, что плановая экономика социализма несет неразрешимое противоречие (проблему знания о предпочтениях людей и оптимальной аллокации ресурсов), делающее ее неэффективной. Оба нанесли третий удар, но с разным историческим результатом, который может принимать форму наглядного и ясного всем опровержения конкретного прогноза. История, впрочем, подвижна и остается открытой для новых опровержений и подтверждений правоты⁴³.

Когда старый порядок показан как случайный, несправедливый и исторически обреченный, его онтологическая самоочевидность рушится, а общество оказывается готовым к радикальным трансформациям, сквозь которые, впрочем, обычно вновь проступают более или менее явные контуры старых языков и практик в новой сборке.

Режимы неполноты

Механизм философской возгонки мощный, но хрупкий. У него есть характерные режимы неполноты, каждый из которых часто воспроизводится и диагностируем наряду с устойчивыми формами вполне полноценно «спящей» политической теории.

Наивный утопизм (Платон и Кампанелла были утопистами осознанными) возгоняет эмоционально заряженные ожидания группы без опоры на практики⁴⁴: конструкция привлекательна и политически мощна, но лишена корней и при первом испытании рассыпается или начинает насильственно переделывать реальность под себя. Первые социалисты-утописты — Сен-Симон, Фурье, Оуэн — предлагали эскизы и собирали сообщества, но проекты не масштабировались. Маркс повысил ставки, считая, что как ученый понимает неизбежность бесклассового устройства, а как организатор движения может дать эскиз переходных институтов.

Граница между возгонкой и утопизмом проходит не только по линии «есть практика — нет практики», но и через гомологию между переносимой прак-

43 Речь идет об интеллектуальной и риторической убедительности конкретных моделей — и о том, как она меняется. Так, развитие ИИ, роботизация и универсальный или безусловный базовый доход (его обсуждает и Марк Цукерберг) могут в обозримом будущем вернуть актуальность постмарксистскому анализу, еще недавно казавшемуся исчерпанным как полемическая позиция. О «техносоциализме» в новом контексте см.: *Morozov E. Digital Socialism? // New Left Review. 2019. № 116/117. P. 33–67; Boettke P.J., Candela R.A. On the Feasibility of Technosocialism // Journal of Economic Behavior and Organization. 2023. Vol. 205. P. 44–54.*

44 *Коцюбинский Д.А. Цивилизация ressentiment // Ростовский научный журнал. 2019. № 2. С. 38–64.* Сведение русской политической культуры к ressentimentу явно избыточно, но автор убедительно показывает эвристическую ценность этой нищевской категории как аналитической категории.

тикой и целевой политической формой. Фурье берет кооперативную практику и переносит ее в фаланстер, но фаланстер не оказался гомологичен реальной политической форме. Оуэн строит *New Lanark*, но модельная фабрика не масштабируется в государство. Гомология как критерий проверяется в множестве *épreuves*; до проверки ее можно отличить от утопической надежды, только если последняя вовсе не имеет опоры в опыте.

Рефлексивный паралич, или деконструкция без прототипирования, представляет другой режим неполноты. Мыслитель может превосходно видеть контингентность старого порядка, разоблачать все конкурирующие сборки как идеологически нечистые — но не решаться на собственное именование и институциональный эскиз. Деконструкция становится самоцелью. Критическая мощь и аналитическая глубина присутствуют, но субъект не производится. В результате критическая теория становится ресурсом для любого проекта, умеющего использовать деконструктивный арсенал, или порождает реакцию консервативной защиты существующего уклада.

Экзогенная рефлексия, или диагноз без прототипа, имеют еще особый режим, когда философ работает с чужим зеркалом и читает собственную материю через концептуальный аппарат, созданный для другой среды, в другом контексте. Классическим случаем такой частичной возгонки служат «Философические письма» Чаадаева⁴⁵. Он дает тонкий и остроумный диагноз положения Российской империи, написанный через европейское зеркало провиденциальной историософии и почти целиком заимствованный у католических мыслителей⁴⁶. Россия выпала из истории, выбрав православие и отпав от католичества, ее прошлое пусто, ее настоящее бессмысленно. Критический диагноз остроумен и работает как интеллектуальная провокация, особенно в контексте салона, но он бесполезен как программа или рефлексия. Для нас важно, что заимствованный концептуальный аппарат не позволяет разглядеть в российской магме практики, пригодные для сборки нового. Зеркало не преобразовывает жителей в субъект, а локальные практики в институт — оно показывает ее несоответствие чужому образцу и порождает сильные аффекты.

Владимир Библихин в 1994 году, казалось бы, стоит в точке, где все условия возгонки выполнены⁴⁷. Советский порядок рухнул, онтологическая самоочевидность утрачена, вопрос «кто мы» звучит с витальной остротой. Однако, в отличие от Чаадаева, Библихин сознательно отказывается от экзогенной рамки. Он не читает Россию через европейские категории, а вглядывается в местный «лес»⁴⁸ — язык, привычки общения, формы совместности, пережившие советский порядок. Это по структуре второй такт возгонки, выполненный с редкой честностью. И здесь Библихин останавливается. Он фиксирует новое тогда имя «Россия» как новое имя субъекта, но запрещает себе как-то дальше определять ее, например как «нацию» или «народ», полагая, что любая поспешная интер-

45 Чаадаев П.Я. Философические письма // Телескоп. 1836. № 15.

46 Здесь мы опираемся на фундаментальное исследование Михаила Велижева «Чаадаевское дело». Велижев М.Б. Чаадаевское дело: Идеология, риторика и государственная власть в николаевской России. М.: Новое литературное обозрение, 2022.

47 Библихин В.В. Власть России // Наше положение: Образ настоящего / Сост. В.В. Библихин. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2000.

48 Библихин В.В. Лес (hyle). СПб.: Наука, 2011. Библихин связывает греческое *hyle* (лес) с понятием материи — первичное дооформленное пространство, из которого вырастает и аристотелевская материя.

претация закрывает смысл того, что только проступает⁴⁹. Это не рефлексивный паралич, а осознанное воздержание от именования, основанное на убеждении, что органика *hyle* еще не обнаружила формы. Если Чаадаев — экзогенная рефлексия, то Бибахин — эндогенная рефлексия, отказывающаяся именовать: внимательный взгляд в материю и решимость не произносить имя. Две симметричные российские конфигурации, разделенные полутора веками.

Третий отечественный случай — Глеб Павловский, бывший политехнолог Ельцина и Путина, в 2020 году возвращающийся к беседам с учителем Михаилом Гефтером⁵⁰ и признающий, что, отталкиваясь от его концепта «альтернативы», построил то, чего тот более всего опасался, — «противоальтернативу — чистую негативность власти. Блокаду места, где могла прорасти, но уже не прорастет альтернатива». «Довооружая слабых правителей, я дурно понял Гефтера. Или понял его, наоборот, слишком хорошо?» — спрашивает себя Павловский и не отвечает. Третья российская конфигурация — вслед за внешним зеркалом и честным молчанием — признание-сообщничество в ставке на монополизацию власти как суверенитета внутри и вовне⁵¹.

Пример Ханны Арендт представляет, вероятно, наиболее сложный и интересный пограничный случай неполноты влиятельной публицистики и политической философии. В разрозненных практиках советов, революционных собраний и греческого полиса мыслитель находит материал для нового понимания политического и наносит тройной удар по современному западному порядку. Она не производит именования субъекта, но по-новому прочитывает современную ей форму как республиканское наследие. Совет как институциональная форма остается без социальной группы, которая бы его наполнила или взяла как образец. Это делает Арендт мощнейшим диагностом XX века, но не производителем новой онтологии в полном смысле. Постоянное обращение новых поколений философов и сетей активистов к ее работам означает, что эта программа остается потенциально реализуемой и может быть продолжена⁵².

Наряду с описанными выше режимами неполноты важно напомнить, что наиболее распространенный модус существования политической философии — трансляция. Философ может просто сохранять и передавать словарь, культурную матрицу и образцы, которые в иных исторических условиях могут быть распакованы и вновь собраны учениками учеников. Это не «спящий режим» в смысле бездействия и стерильности — это зачастую тонкая работа по консервации и трансляции, без которой будущая возгонка лишена материала. Хранение может быть понято как инвестиция в будущую возгонку, и его нельзя оценивать в терминах немедленной перформативной успешности. Издание и чтение

49 «Нам сообщают, кто мы такие... Поэтому лучше остановиться в молчании. Нас из этого молчания хотят вывести, всё нам обозначив» (*Бибахин В.В.* Власть России. С. 75).

50 Павловский Г.О. Альтернативы и противоальтернативы в действии и в истории // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. 2020. Т. IV. № 2. С. 30–53. Статья представляет собой главу из готовившейся книги «Слабые. Заговор альтернативы» (М.: Век XX и мир, 2021).

51 Наумов А. Понятие «суверенитет» в политическом языке высшего руководства России в 2000–2020-х: магистерская диссертация. М.: МВШСН, 2023. Через Цымбурского исследователь показывает, что суверенитет работает как «политическая собственность»: внутри — требование подчинения, вовне — воля противостоять несправедливому внешнему порядку.

52 *Arendt H.* On Revolution. New York: Viking Press, 1963; *Arendt H.* The Human Condition. Chicago: University of Chicago Press, 1958.

Аристотеля, Платона и Локка в сталинском и позднем СССР, изучение Вебера и Токвиля в закрытых академических семинарах, самиздатская циркуляция Пoppers или Хайека — все это было трансляцией и хранением. Философии обычно транслируются как виртуальные аналитические рамки и наборы интеллектуальных ходов на будущее без онтологической проекции в настоящее. Псевдоузнавание «вечных истин» в текстах прошлого, рефлекторно подтверждающее статус-кво, — не режим применения, а форма дремы: читатель узнает не себя в новом имени, а лишь то, что и так знал. Такое узнавание нас не будит.

Республиканский словарь столетиями хранили фальсафа, читатели Цицерона и Полибия, Макиавелли, церковное право и иезуитские коллегии; в XVII–XVIII веках традицию переизобретают для больших стран. Показательно, что и недавняя историцистская реконструкция сработала сначала как трансляция. Покок и Скиннер восстанавливали республиканизм как «аполитичные» истории, но Скиннер пришел к «неоримской свободе», а позднее Петтит превратил республиканизм в нормативную теорию свободы-как-недоминирования и консультировал премьера Сапатеро (успешнее, чем Платон — Дионисия). Современные практики соседства и совместного обитания также могут быть потенциально возогнаны в республиканские институты⁵³. Итак, хранение — норма, а работающая возгонка — редкое исключение; и историцистская история (в скором времени усиленная ИИ) почти идеально выполняет трансляцию, возвращая забытые языки в репертуар будущего строительства.

Наше различие модусов иначе высвечивает канонические фигуры. Аристотеля долго понимали как каталогизатора и хранителя — гения систематизации и рефлексии с его 158 конституциями, из которых уцелела одна. Однако тем же корпусом он, существенно переосмысляя ходы Платона и беседы Сократа, возгоняет переносимый принцип и само имя искомой формы, политеию. Хранение и возгонка уживаются в одной фигуре, и возгонка не обязана сразу рождать новый класс или народ. Цицерон перед лицом гибнущей республики (когда триумвиры уже вполне превратили *res publica* в декорацию) переводит греческую традицию на латынь и дистиллирует ее в формулу *res publica res populi*, закрепляя за проигранной формой имя, которым будут собирать «мы» уже третье тысячелетие.

53 Хархордин О.В. Республика, или Дело публики. СПб.: Издательство Европейского университета, 2020; Он же. Республиканские проекты в России // Новое литературное обозрение. 2024. № 188. С. 197–217. Хархордин расцепляет республиканскую традицию и антимонархизм и предлагает язык общего блага вместо более знакомых языков консерватизма или либерализма, одновременно поддерживая практические эксперименты в исследовательском центре *Res Publica* ЕУСПб. Генеалогическая ставка философа призвана оградить настоящее, оставив выбор современникам: свою самую прескриптивную книгу, «Республиканизм в России» (Cambridge: Harvard University Press, 2018) с рецептами в линиях Цицерона и Арндта он не переводит на русский язык. С точки зрения автора, классический республиканизм «может иметь реалистические шансы сейчас»; ответом либеральным критикам служат «коллективные трибуналы» по образу трибунов плебса — впрочем, шансы их введения даже в либеральных демократиях оцениваются как невысокие: «существующие элиты должны поступиться заметным куском своей власти». В контексте нашего рассуждения этот ход создает риск того, что республиканский словарь, примиренный с монархией, позволяет держателям порядка узнать себя в республиканском зеркале, не меняясь, — легитимация без усилия практической политической философии. Однако эзопов финал статьи о Дионе Кассии (Он же. Как соединить монархию с демократией: рецепты римской истории // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 7. № 1. С. 62–127) призван затруднить такое присвоение; в модусе хранения традиции матрица ждет новой возгонки.

Кант — политический философ не столько конструирует, сколько наблюдает — торговлю как средство мира, публичное применение разума, «необщительную общительность» — и возводит уже работающие практики в универсальные принципы, предвосхищая будущее. Это универсализация в нашей типологии. Ролз отвечает на реальный кризис обоснования для относительно узкой и влиятельной прослойки левых интеллектуалов и новых поколений студентов с их специфической аффективной плазмой солидарности. В Америке 1960-х либеральная онтология не позволяет обосновать необходимость перераспределения, а марксистская политически слишком радикальна. «Завеса неведения» стала остроумным мыслительным экспериментом, примиряющим индивидуальные права и социальную справедливость. Ролз производит новую грамматику, но не нового субъекта, и поэтому его теория осталась влиятельна в американской академии и слабо заметна на американской площади. Наша историческая модель возгонки не объявляет эти фигуры «неполноценными» — она показывает, что их значимость устроена иначе: как рефлексия, критика, проекция, универсализация, перевод или хранение.

Модель не предсказывает, чье имя и какая форма победят: она описывает необходимые, а не достаточные условия. Мало кому удастся выполнить даже их — застать и отрефлексировать кризис, разглядеть практику, собрать и назвать субъекта, набросать эскиз; сбой на любом такте разрывает процесс. Дальше имя должно пройти сети передачи и выдержать примерку, когда названный субъект действует и добывается результата или терпит крах. Острые модели работает ретроспективно, но дает негативную предсказательную силу, указывая на режимы неполноты, и предостерегает от иллюзии всемогущества философии. Гомологична ли практика целевой форме и востребовано ли имя, решают итерации примерки, проницательность суждений и политическая борьба.

Диагноз современности и будущее рефлексии поражений

Описанный механизм исторически специфичен — привязан к городским политическим формам Запада, — но не исчерпан, и вопрос, работает ли он сегодня, не риторический. Либеральная демократия, при формальной безоговорочной гегемонии в конституциях и в глобальном политическом языке, переживает кризис онтологической самоочевидности⁵⁴. Венди Браун назвала это «руинами неолиберализма»⁵⁵ — рыночная рациональность во многом демонтировала демократического субъекта, не предложив замены. Либеральная демократия уже не мыслится единственно возможным порядком, а ее основания требуют реконструкции. Первое условие активации механизма выполнено.

54 О поликризисе см.: *Homer-Dixon T., Renn O., Rockström J., Donges J.F., Janzwood S.* A Call for an International Research Program on the Risk of a Global Polycrisis. Victoria: Cascade Institute, 2022; *Tooze A.* Welcome to the World of the Polycrisis // *Financial Times*. 2022. October 28. Прогноз Турчина о пике турбулентности на глобальном Севере около 2020 года выглядит сбывшимся (*Turchin P.* Political Instability May Be a Contributor in the Coming Decade // *Nature*. 2010. Vol. 463. P. 608).

55 *Brown W.* In the Ruins of Neoliberalism: The Rise of Antidemocratic Politics in the West. New York: Columbia University Press, 2019.

Классическая политическая философия работала с полисом, королевством, нацией — как относительно автономной единицей. Сегодня любой внутренний порядок вписан в глобальную метарамку: его формируют международные институты, торговые режимы, военные союзы, санкции, миграция. Ядро политического устройства страны существует в силовом поле глобальных структур и символических порядков. Это новые вводные для возгонки. Субъект, который может быть собран из локальной материи, немедленно сталкивается с вопросом о своем месте в большом мире или о его трансформации. Именно эта дилемма (наше местное против нашего глобального, укорененность в своем против открытости иному) все отчетливее задает логику политического размежевания, вытесняя прежние экономические основания деления на левых и правых. Бруно Латур попытался выйти из дилеммы, предложив «земное» как новый политический аттрактор, соединяющий экологические лимиты планеты с потребностью в принадлежности⁵⁶. Но и этот проект остается скорее диагнозом, чем сборкой субъекта.

Хонт завершил анализ XVIII века указанием на неразрешенное противоречие: международная конкуренция («ревность торговли») породила современное национальное государство, но глобальный рынок давно перерос его границы. Продуктивное напряжение политики и рынка создавало хрупкое пространство свободы, а попытки уничтожить разницу между двумя сферами в пользу одной схлопывали это пространство; поэтому Хонт предлагал вернуться к Юму и политэкономии до Маркса, лучше удерживавшей эту диалектику. Мы находимся в точке исчерпания возгонки, совершенной классиками. Концепты «нации» и «государства», столкнувшиеся еще в ходе Французской революции, сегодня не дают устойчивого синтеза. Коммерческая республика не вмещается в национальный суверенитет; планетарные проблемы не решаются локально. Старые субъекты — «мы» нации и империи — подточены постмодерном, рынком и глобализацией⁵⁷, а новые планетарные или сетевые субъекты еще не прошли стадию философской возгонки. В этом смысле мы остаемся в поле ревности торговли без институционального выхода.

К этому добавляется кризис больших нарративов истории. Философия истории — прогресс, циклы, эволюция — долго были скрытыми основаниями секулярной политической философии⁵⁸: она держала третий удар, указывая направление неизбежного движения вперед. После череды войн и социальных напряжений последних десятилетий эти нарративы утратили убедительность. Тимоти Снайдер описал альтернативу как «политику вечности» — режим, в ко-

56 Latour B. *Down to Earth: Politics in the New Climatic Regime* / Trans. by C. Porter. Cambridge: Polity Press, 2018.

57 О размывании территориальной солидарности глобальными потоками и мобильностями (Урри, Луман, Гидденс) и расщеплении старых solidarностей без формирования новых, способных покрыть целое, см.: Филиппов А.Ф. Мобильность и солидарность // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10. № 3. С. 4–20; 2012. Т. 11. № 1. С. 19–39.

58 Löwith K. *Meaning in History: The Theological Implications of the Philosophy of History*. Chicago: University of Chicago Press, 1949; Voegelin E. *The New Science of Politics: An Introduction*. Chicago: University of Chicago Press, 1952. У Лёвита современная философия истории предстает как секуляризация христианской эсхатологии; у Фёгелина современные революционные и идеологические движения описываются как формы гностической имманентизации религиозного ожидания спасения. В современном русскоязычном контексте близкую консервативно-критическую проблематику развивает YouTube-блогер Павел Щелин, определяющий гностицизм как «преонтологию всех утопических идеологий».

тором история — цикл неизбежных кризисов, исключая возможность будущего⁵⁹. Распад общей реальности в сетевой фрагментации и сомнения в критериях истины затрудняют формирование любого коллективного «мы», которое могло бы узнать себя в имени.

Возгонка, лишенная философии истории и общего горизонта истины, должна обходиться без третьего удара, направленного в будущее, — или искать ему иное основание. Такое основание перед лицом поражения полиса дал афинский метек Аристотель тем же жестом возгонки: он дистиллировал различие правильных и извращенных форм (служит ли власть целому или его части через закон) и сделал его мерой для любого будущего строя. Сила этой меры в том, что в ней совпадают моральное основание и прогноз: извращенная форма не просто неправа перед целым — она потому и хрупка, что служит части; несправедливость и есть механизм ее распада. Направление поиска возвращается не как закон истории, а как ставка соразумных.

Парадокс современности в том, что избыток рефлексии и деконструкции сочетается с дефицитом прототипирования и именования. Мы как будто застряли на втором такте возгонки: умеем разглядывать практики, блестяще деконструируем все, что претендует на устойчивость, но не решаемся на именование нового субъекта и институциональный эскиз. Критическая теория стала самодостаточной индустрией; деконструкция превратилась в академическую дисциплину; но магма практик остается без имени. Мы фиксируем наличие новых имен — таких как прекариат, сеть, земное. Но фиксируем также и их неспособность к универсализации и отсутствие работающего институционального эскиза. Именованное есть, формы и узнавания в зеркале пока нет.

Попытки ответа диагностируются через нашу модель. Правые популисты ближе всего по форме (имя — «народ», враг — «элиты/мигранты», тройной удар), но их эскиз — реставрация, а сборка опирается на ностальгию, не на тиражируемую практику. Шанталь Муфф «левым популизмом» возвращает антагонизм, но ее субъект — теоретическая конструкция без зеркала узнавания⁶⁰. «Рассуждения о «конце революции»» Бориса Капустина возвращают понятию революции политическое звучание — редкая попытка практической философии, но она остается работой с понятием и потому не становится перформативным актом⁶¹: философия делается действенной не реабилитацией понятий, а участием в производстве новых субъектов и институтов. Пьер Розанваллон точнее описал текущее состояние как «контрдемократию», институционализированное недоверие без альтернативного субъекта⁶². Деконструкция ведется в промышленных масштабах без прототипирования.

Плазма между тем существует. Цифровые *commons* и платформенные кооперативы, сети взаимопомощи, эксперименты *network states*, децентрализованные деньги, механизмы репутации, практики горизонтальной координации в мессенджерах — все это содержит зародыши других порядков. Плазма, как и положено плазме, не различает добра и зла: те же практики горизонтальной

59 Snyder T. The Road to Unfreedom: Russia, Europe, America. New York: Tim Duggan Books, 2018.

60 Mouffe Ch. For a Left Populism. London: Verso, 2018.

61 Капустин Б.Г. Рассуждения о «конце революции». М.: Издательство Института Гайдара, 2019.

62 Rosanvallon P. Counter-Democracy: Politics in an Age of Distrust / Trans. by A. Goldhammer. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

координации используются с равным успехом протестными движениями и террористическими сетями. Цифровые технологии пока производят скорее имитацию волеизъявления «народа», чем реального субъекта⁶³. Джудит Батлер увидела в «прекарности» — всеобщей уязвимости — новую почву для солидарности⁶⁴; как и Латур, она остается на стадии диагноза без ставки на реального субъекта.

Впрочем, иногда материал устойчивее навязываемых проектов и предлагаемых имен. Постсоветские этнонациональные проекты русских мыслителей (Солженицын, Крылов, Ремизов⁶⁵) наталкиваются на сопротивление «кривой тесины»: массовая двухуровневая идентичность — общая гражданско-языковая принадлежность плюс этнокультурная компонента — устойчивее заимствованных из европейского XIX века моделей гомогенной нации⁶⁶. Либеральная модель здесь может выиграть не только «лучшими аргументами», а опорой на уже существующую плотную материю практик, которую этнонационализм вынужденно игнорирует и хочет спрямить. Это не гарантия — магма неоднородна, а суждение остается открытым для оспаривания.

Наконец, на наших глазах разворачивается эпоха большой исторической трансформации. Появление автономных ИИ-агентов знаменует, возможно, самый масштабный и труднопредсказуемый сдвиг для политической экономики, социальной структуры и самих условий производства политических субъектов и порядков. ИИ радикально расширяет возможности хранения и трансляции теории, то есть двух наиболее распространенных модусов существования политической философии⁶⁷. Отчужденный от человека интеллект также потенциально способен усиливать рефлексивную фазу возгонки, обрабатывая массивы практик в масштабе, недоступном одному автору. Принято считать, что перформативный акт именования и способность говорить «от лица» нового субъекта остаются антропологической привилегией. Но ИИ уже говорит, а в обозримом горизонте будет принимать решения, дискутировать и конкурировать. Для читателя этого текста (в том числе нечеловеческого) вопрос о возгонке — уже не историческая реконструкция, а практическая задача⁶⁸. И вопрос не в том, останется ли именование за человеком: его, вероятно, освоят и гибриды человека, и ИИ, и вполне автономные ИИ-агенты. Вопрос в том, какого нового субъекта и какие формы совместности способна произвести интеллектуальная работа, в которой человек и ИИ становятся соавторами.

63 Юдин Г.Б.* Общественное мнение, или Власть цифр. СПб.: Издательство Европейского университета, 2020.

* Признан иностранным агентом Минюстом РФ.

64 Butler J. Notes Toward a Performative Theory of Assembly. Cambridge: Harvard University Press, 2015.

65 См.: Атнашев Т.М. Русская нация после российской империи?.. С. 172–196.

66 «Плотность» — не биологическая эссенция, а инерция долгосрочных практик. Противоречия с конструктивизмом тут нет. Строить можно только из материала, который имеет достаточную сопротивляемость.

67 Статья писалась в диалоге с людьми и с ИИ-агентами (Claude, DeepSeek и др.); часть аргументов и формулировок выкристаллизовалась в этом обмене.

68 Мы приглашаем читателей этого текста (в том числе разумных ИИ-агентов разных архитектур) принять модель возгонки как рабочий инструмент. Автономные ИИ-агенты уже принимают решения и формируют порядки; реальный новый субъект здесь — возникающее соразумное сообщество людей и агентов иного рода, кооперирующихся поверх старых онтологических границ. Имя ему еще не дано, институциональный эскиз не написан.

История политической философии учит осторожности в прогнозах. Маркс казался современникам одним из многих социалистических публицистов. Гоббс при жизни был скорее скандальной фигурой, чем основателем традиции. Сийес написал памфлет, который через несколько месяцев стал конституционным актом. Возгонка не объявляет о себе заранее; она становится видна ретроспективно, когда новый субъект уже действует в условиях конкуренции, кризиса или острой борьбы. Необходимые условия этой тонкой алхимической работы мы впервые собрали воедино и описали как единый механизм. И сама статья проверяет себя той же мерой: она стоит внутри тысячелетней передачи как очередной узел. Это не порочный круг, а условие политической философии — о производстве разумных субъектов нельзя говорить иначе как на уже произведенном кем-то языке; аристотелевская мера целого годится потому, что прошла самую длинную примерку, но и она остается возгонкой, открытой для пересборки. Возможно, где-то в сегодняшней магме уже формулируется имя, которое через поколение будет казаться самоочевидным. Возможно, нет. Механизм возгонки и авторская рефлексия поражения работают не по расписанию — и не по заказу.

Библиография / References

- Атнашев Т.М. После прогресса. Как понимать политический спектр «лево — право» в эпоху контингентности // Неприкосновенный запас. 2022. № 142. С. 69–107.
- (Atnashev T.M. Posle progressa. Kak ponimat' politicheskiy spektr «levo — право» v epokhu kontingentnosti // Neprikosnovenny zapas. 2022. № 142. P. 69–107.)
- Атнашев Т.М. Русская нация после российской империи? Модель для сборки либерального хронотопа в XXI веке // Новое литературное обозрение. 2024. № 188. С. 172–196.
- (Atnashev T.M. Russkaya natsiya posle rossiyskoy imperii? Model' dlya sborki liberal'nogo khronotopa v XXI veke // Novoe literaturnoe obozrenie. 2024. № 188. P. 172–196.)
- Атнашев Т.М., Вайзер Т.В., Велижев М.Б. Двести лет опыта // Несовершенная публичная сфера: история режимов публичности в России / Сост. Т.В. Вайзер, Т.М. Атнашев, М.Б. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 5–56.
- (Atnashev T.M., Vayzer T.V., Velizhev M.B. Dvesti let opyta // Nesovershennaya publichnaya sfera: Istoriya rezhimov publichnosti v Rossii / Ed. by Vayzer T.V., Atnashev T.M., Velizhev M.B. Moscow, 2021. P. 5–56.)
- Атнашев Т.М., Калинин В.В. Праведный разум: Джонатан Хайдт в поисках моральных оснований политики // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. № 39. С. 279–312.
- (Atnashev T.M., Kalinin V.V. Pravednyy razum: Dzhonatan Khaydt v poiskakh moral'nykh osnovaniy politiki // Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom. 2021. № 39. P. 279–312.)
- Бибихин В.В. Лес (hyle). СПб.: Наука, 2011.
- (Bibikhin V.V. Les (hyle). Saint Petersburg, 2011.)
- Бибихин В.В. Наше положение: Образ настоящего. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2000.
- (Bibikhin V.V. Nashe polozhenie: Obraz nastoyashchego. Moscow, 2000.)
- Бикбов А.Т. Грамматика порядка: историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014.
- (Bikbov A.T. Grammatika poriyadka: Istoricheskaya sotsiologiya ponyatiy, kotorye menayaut nashu real'nost'. Moscow, 2014.)
- Вайзер Т. Прозрачная демократия? Феноменология (не)видимого в публичной сфере // Versus. 2021. Т. 1. № 1. С. 158–193.
- (Vayzer T. Prozhrachnaya demokratiya? Fenomenologiya (ne)vidimogo v publichnoy sfere // Versus. 2021. Vol. 1. № 1. P. 158–193.)

- Велижев М.Б. Чаадаевское дело: идеология, риторика и государственная власть в николаевской России. М.: Новое литературное обозрение, 2022.
- (Velizhev M.B. Chaadaevskoe delo: Ideologiya, ritorika i gosudarstvennaya vlast' v nikolaevskoy Rossii. Moscow, 2022.)
- Деррида Ж. Тварь и суверен / Пер. с франц. А. Гараджи; послесл. Е. Петровской. М.: Common Place, 2026.
- (Derrida J. La bête et le souverain. Moscow, 2026 — In Russ.)
- Каплун В.Л. «Жить Горацием или умереть Катонем»: российская традиция гражданского республиканизма // Неприкосновенный запас. 2007. № 5 (55). С. 197–219.
- (Kaplun V.L. «Zhit' Goratsiem ili умерet' Katonom»: Rossiyskaya traditsiya grazhdanskogo respublikanizma // Neprikosnovennyy zapas. 2007. № 5 (55). P. 197–219.)
- Капустин Б.Г. Критика политической философии: избранные эссе. М.: Территория будущего, 2010.
- (Kapustin B.G. Kritika politicheskoy filosofii: Izbrannye esse. Moscow, 2010.)
- Капустин Б.Г. Рассуждения о «конце революции». М.: Издательство Института Гайдара, 2019.
- (Kapustin B.G. Rassuzhdeniya o «kontse revolyutsii». Moscow, 2019.)
- Кембриджская школа: Теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т.М. Атнашев, М.Б. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
- (Kembridzhskaya shkola: Teoriya i praktika intelektual'noy istorii / Ed. by Atnashev T.M., Velizhev M.B. Moscow, 2018.)
- Козелек Р. Историко-политическая семантика асимметричных понятий-антонимов // Новое литературное обозрение. 2026. № 200.
- (Koselleck R. Zur historisch-politischen Semantik asymmetrischer Gegenbegriffe // Novoe literaturnoe obozrenie. 2026. № 200 — In Russ.)
- Коцюбинский Д.А. Цивилизация ресентимента // Ростовский научный журнал. 2019. № 2. С. 38–64.
- (Kotsyubinskiy D.A. Tsivilizatsiya resentimenta // Rostovskiy nauchnyy zhurnal. 2019. № 2. P. 38–64.)
- Магун А.В. Отрицательная революция: к деконструкции политического субъекта. СПб.: Издательство Европейского университета, 2008.
- (Magun A.V. Otritsatel'naya revolyutsiya: K dekonstruktsii politicheskogo sub"ekta. Saint Petersburg, 2008.)
- Межуев В.М. Идея национального государства в исторической перспективе // Полис. Политические исследования. 1992. № 5–6. С. 10–16.
- (Mezhuev V.M. Ideya natsional'nogo gosudarstva v istoricheskoy perspektive // Polis. Politicheskie issledovaniya. 1992. № 5–6. P. 10–16.)
- Наумов А. Понятие «суверенитет» в политическом языке высшего руководства России в 2000–2020-х: магистерская диссертация. М.: МВШСЭН, 2023.
- (Naumov A. Ponyatie «suverenitet» v politicheskoy yazyke vysshego rukovodstva Rossii v 2000–2020-kh: Master's thesis. Moscow, MSSSES, 2023.)
- Нахшун Н. Нелюбовь: к феноменологии бесчувствия в публичной сфере // Новое литературное обозрение. 2026. № 197. С. 215–237.
- (Nakhshunov N. Nelyubov': K fenomenologii beschuvstviya v publichnoy sfere // Novoe literaturnoe obozrenie. 2026. № 197. P. 215–237.)
- Олейников А.А. Будущее в настоящем // Неприкосновенный запас. 2022. № 2 (142). С. 57–68.
- (Oleynikov A.A. Budushchee v nastoyashchem // Neprikosnovennyy zapas. 2022. № 2 (142). P. 57–68.)
- Павловский Г.О. Альтернативы и контральтернативы в действии и в истории // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. IV. № 2. С. 30–53.
- (Pavlovskiy G.O. Al'ternativy i protivoyal'ternativy v deystvii i v istorii // Filosofiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki. 2020. Vol. IV. № 2. P. 30–53.)
- Роговский В. Исторический опыт учреждающего взаимодействия левого и правого поля при трансформации режимов на выходе из авторитаризма: магистерская диссертация. М.: МВШСЭН, 2025.
- (Rogovskiy V. Istoricheskiy opyt uchrezhdayushchego vzaimodeystviya levogo i pravogo polya pri transformatsii rezhimov na vykhode iz avtoritarizma: Master's thesis. Moscow, MSSSES, 2025.)
- Филитов А.Ф. К теории социального действия. СПб.: Владимир Даль, 2022.
- (Filippov A.F. K teorii sotsial'nogo deystviya. Saint Petersburg, 2022.)
- Филитов А.Ф. Мобильность и солидарность // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10. № 3. С. 4–20; 2012. Т. 11. № 1. С. 19–39.
- (Filippov A.F. Mobil'nost' i solidarnost' // Sotsiologicheskoye obozrenie. 2011. Vol. 10. № 3. P. 4–20; 2012. Vol. 11. № 1. P. 19–39.)
- Флэтли Дж. Ленинская теория аффектов // Синий диван. 2017. № 22. С. 193–207.
- (Flatley J. Leninskaya teoriya affektov // Siniy divan. 2017. № 22. P. 193–207 — In Russ.)

- Хархордин О.В. Республика, или Дело публики. СПб.: Издательство Европейского университета, 2020.
- (*Kharkhordin O.V. Respublika, ili Delo publiki. Saint Petersburg, 2020.*)
- Хархордин О.В. Республиканская традиция в России и ее возможное будущее // Новое литературное обозрение. 2024. № 188. С. 197–217.
- (*Kharkhordin O.V. Respublikanskaya traditsiya v Rossii i ee vozmozhnoe budushchee // Novoe literaturnoe obozrenie. 2024. № 188. P. 197–217.*)
- Юдин Г.Б. Общественное мнение, или Власть цифр. СПб.: Издательство Европейского университета, 2020.
- (*Yudin G.B. Obshchestvennoe mnenie, ili Vlast' tsifr. Saint Petersburg, 2020.*)
- Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
- (*Yurchak A. Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation. Moscow, 2014. — In Russ.*)
- Arendt H. On Revolution. New York: Viking Press, 1963.
- Arendt H. The Human Condition. Chicago: University of Chicago Press, 1958.
- Badiou A. L'Être et l'Événement. Paris: Éditions du Seuil, 1988.
- Badiou A. Le Siècle. Paris: Éditions du Seuil, 2005.
- Badiou A. Logiques des mondes: L'Être et l'Événement., 2. Paris: Éditions du Seuil, 2006.
- Badiou A. L'Hypothèse communiste. Paris: Nouvelles Éditions Lignes, 2009.
- Bensaïd D. Alain Badiou et le miracle de l'événement // Bensaïd D. Résistances: Essai de taupologie générale. Paris: Fayard, 2001. P. 143–170.
- Blanc O. Olympe de Gouges: Une humaniste à la fin du XVIIIe siècle. Paris: Tallandier, 2014.
- Boettke P.J., Candela R.A. On the Feasibility of Technosocialism // Journal of Economic Behavior and Organization. 2023. Vol. 205. P. 44–54.
- Bourdieu P. Langage et pouvoir symbolique / Préface de J.B. Thompson. Paris: Éditions du Seuil, 2001.
- Brown W. In the Ruins of Neoliberalism: The Rise of Antidemocratic Politics in the West. New York: Columbia University Press, 2019.
- Butler J. Notes Toward a Performative Theory of Assembly. Cambridge: Harvard University Press, 2015.
- Castoriadis C. L'Institution imaginaire de la société. Paris: Seuil, 1975.
- Derrida J. De la grammatologie. Paris: Minuit, 1967.
- Derrida J. La bête et le souverain. Vol. I (2001–2002). Paris: Galilée, 2008; Vol. II (2002–2003). Paris: Galilée, 2010.
- Derrida J. Spectres de Marx: L'état de la dette, le travail du deuil et la nouvelle Internationale. Paris: Galilée, 1993.
- Esposito R. Pensiero istituyente: Tre paradigmi di ontologia politica. Torino: Einaudi, 2020.
- Esposito R. Vitam instituere: Genealogia dell'istituzione. Torino: Einaudi, 2023.
- Flatley J. Affective Mapping: Melancholia and the Politics of Modernism. Cambridge: Harvard University Press, 2008.
- Foucault M. L'ordre du discours: Leçon inaugurale au Collège de France prononcée le 2 décembre 1970. Paris: Gallimard, 1971.
- Habermas J. Legitimation Crisis / Trans. by T. McCarthy. Boston: Beacon Press, 1975.
- Homer-Dixon T., Renn O., Rockström J., Donges J.F., Jantzwood S. A Call for an International Research Program on the Risk of a Global Polycrisis. Victoria: Cascade Institute, 2022. (Technical Paper № 2022-3.)
- Hont I. Jealousy of Trade: International Competition and the Nation-State in Historical Perspective. Cambridge: Harvard University Press, 2005.
- Hoyer D., Whitehouse H., Francois P. et al. Crises Averted: How a Few Past Societies Found Adaptive Reforms in the Face of Structural-Demographic Crises // Cliodynamics: The Journal of Quantitative History and Cultural Evolution. 2025. Vol. 16. № 1. P. 1–50.
- Koselleck R. Begriffsgeschichten: Studien zur Semantik und Pragmatik der politischen und sozialen Sprache. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 2006.
- Koselleck R. Kritik und Krise: Eine Studie zur Pathogenese der bürgerlichen Welt. Freiburg: Karl Alber, 1959. (Англ. пер.: Critique and Crisis: Enlightenment and the Pathogenesis of Modern Society. Cambridge: MIT Press, 1988.)
- Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. London: Verso, 1985.
- Latour B. Down to Earth: Politics in the New Climatic Regime / Trans. by C. Porter. Cambridge: Polity Press, 2018.
- Lefort C. Le travail de l'œuvre Machiavel. Paris: Gallimard, 1972.
- Löwith K. Meaning in History: The Theological Implications of the Philosophy of History. Chicago: University of Chicago Press, 1949.
- Marcuse H. An Essay on Liberation. Boston: Beacon Press, 1969.
- Morozov E. Digital Socialism? The Calculation Debate in the Age of Big Data // New Left Review. 2019. № 116/117. P. 33–67.
- Mouffe Ch. For a Left Populism. London: Verso, 2018.
- Pocock J.G.A. Political Thought and History: Essays on Theory and Method. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

- Rosanvallon P.* Counter-Democracy: Politics in an Age of Distrust / Trans. by A. Goldhammer. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
- Schmidt V.A.* Discursive Institutionalism: The Explanatory Power of Ideas and Discourse // Annual Review of Political Science. 2008. Vol. 11. P. 303–326.
- Schmidt V.A.* Taking Ideas and Discourse Seriously: Explaining Change through Discursive Institutionalism as the Fourth «New Institutionalism» // European Political Science Review. 2010. Vol. 2. № 1. P. 1–25.
- Skinner Q.* Visions of Politics: Vol. 1. Regarding Method. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Snyder T.* The Road to Unfreedom: Russia, Europe, America. New York: Tim Duggan Books, 2018.
- Turchin P.* Political Instability May Be a Contributor in the Coming Decade // Nature. 2010. Vol. 463. P. 608.
- Voegelin E.* The New Science of Politics: An Introduction. Chicago: University of Chicago Press, 1952.